

«Злодей Алаев» (Из комментариев к переписке И.А. Гончарова)

© 2020, А.Ю. Балакин

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются письма И.А. Гончарова к его сестре Анне Александровне (в замужестве Музалевской) и разбирается эпизод банкротства ее семьи в результате того, что Музалевские передали большую часть своих денег в руки земляка, «некоего Алаева», который оказался мошенником. Ранее этого человека знали только по фамилии, а сам эпизод банкротства не был раскрыт. Автор статьи привлекает материал Адрес-календарей, Памятных книг Симбирской губернии и других справочных изданий, архивные документы, на основании которых восстанавливает биографию Семена Алаева и подробно излагает историю его мошеннических действий. Впервые вводимые в научный оборот факты несомненно будут востребованы комментаторами как переписки Гончарова, так и мемуарных свидетельств о нем.

Ключевые слова: И.А. Гончаров; переписка писателя; научный комментарий; семейные имущественные отношения; биографии русских писателей 19 века.

Информация об авторе: Алексей Юрьевич Балакин — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: balakin@inbox.ru.

Для цитирования: Балакин А.Ю. «Злодей Алаев» (Из комментариев к переписке И.А. Гончарова) // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 300–311. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-300-311>

Писем И.А. Гончарова к своим сестрам Александре Александровне (в замужестве Кирмаловой, 1815–1896) и Анне Александровне (в замужестве Музалевской, 1818–1902) сохранилось немного. Конечно, часть переписки была утрачена, но и сохранившиеся письма свидетельствуют, что она едва ли была глубокой и интенсивной. Ни своего старшего брата, ни сестер Гончаров никогда не считал

духовно близкими себе людьми. Хотя до определенного времени он поддерживал переписку с ними, хлопотал за племянников и давал им советы, но очевидно с возрастом эти родственные отношения стали его все больше и больше тяготить: в поздних письмах в его отзывах о родственниках, и особенно племянниках, все чаще и чаще звучат ироничные, а то и прямо раздраженные ноты.

Всего к настоящему моменту известно около двадцати писем автора «Обломова» к Александре и около десяти к Анне. Только самое небольшое количество этих писем удостоилось научных публикаций. Более того, значительная часть из них известна читателям лишь в отрывках¹, другие остаются неопубликованными до сих пор. Печатая в 1994 г. три письма к сестрам из фондов Ульяновского дома-музея И.А. Гончарова, Ю.М. Алексеева так объясняла сложившуюся ситуацию: «К сожалению, ученые до сих пор не заинтересовались письмами Гончарова к сестрам. Возможно, это происходит по причине трудности их комментирования. А между тем они <...> необычайно интересны. Они открывают новые грани личности писателя и страницы его биографии, рассказывают много нового о людях из его окружения» [1, с. 213].

Большинство дошедших до нас писем к Александре Александровне относятся к первой половине 1860-х гг.; почти все они посвящены судьбе ее сына, племянника Гончарова Виктора Михайловича Кирмалова. Письма к бездетной Анне Александровне по большей части лапидарны; в них также обсуждаются семейные дела. Настоящая заметка посвящена одному сюжету, возникающему в двух письмах Гончарова к младшей сестре. Это история финансового краха ее семьи.

Анна Александровна была замужем за доктором Петром Авксентьевичем Музалевским (1801–1877), который служил в Симбирске врачом в различных государственных учреждениях, а кроме того вел частную практику². Они имели собственный дом в городе и довольно большое количество земли в губернии. Своих детей у них не было, и они взяли на воспитание девочку. Впоследствии их воспитанница, Евдокия Петровна (в замужестве Левенштейн), оставит краткие, но чрезвычайно выразительные воспоминания о Гончарове.

История разорения семьи Музалевских впервые была рассказана в воспоминаниях старшего племянника Гончарова Александра

¹ Наиболее значительная публикация: *Суперанский М.Ф.* Ив. Ал. Гончаров и новые материалы для его биографии. II. Письма И.А. Гончарова к Кирмаловым и Музалевской // Вестник Европы. 1908. №12. С. 417–444.

² Подробнее о его карьере см.: [1, с. 232–234].

Николаевича, сына его брата, написанных им в середине 1900-х по просьбе биографа писателя М.Ф. Суперанского и впервые опубликованных в 1908 г., уже после смерти их автора³. Эти воспоминания были негативно восприняты первыми их читателями; пользуются они дурной славой и у современных гончароведов. Здесь не место оценивать достоверность воспоминаний племянника о своем дяде и справедливость данных ему характеристик, поэтому послушаем, что он вспоминает о печальной судьбе семьи младшей сестры Гончарова:

Музалевские имели очень хорошие по тому времени средства: Трегубов⁴ оставил Анне Александровне около десяти-двенадцати тысяч рублей ассигнациями и до двухсот десятин земли вблизи Симбирска. Муж ее зарабатывал по десяти-пятнадцати тысяч рублей в год; люди они были скромные и отложили до ста двадцати пяти тысяч рублей серебром. Деньги эти они отдали какому-то Алаеву на железнодорожное предприятие. Тот обещал им золотые горы, но, получив деньги, скрылся. Вслед за тем случился знаменитый пожар 1864 года, уничтоживший почти весь Симбирск, и Музалевские, разорившись, переселились в Москву, где старшая их приемная дочь, Евдокия Петровна, вышла замуж за доктора-психиатра Левенштейна...⁵

Напомним, что эти воспоминания создавались спустя более четверти века после описанных событий, поэтому будем снисходительны к ошибкам памяти и неточностям. Сопоставим этот рассказ Александра Николаевича с другим, гораздо более ранним и детальным — из его же большого письма к М.М. Стасюлевичу от 26 октября – 4 ноября 1891 г.:

...Музалевские после того, как весь Симбирск сгорел, подарили каким-то дальним родственникам остатки сгоревшего дома, отдали деньги, что-то около 100 тысяч, «верному человеку» и отправились на житье в Москву. Детей у них не было, и они в 50-<->х годах взяли

³ См.: *Суперанский М.Ф.* Ив. Ал. Гончаров и новые материалы для его биографии. I. Воспоминания А.Н. Гончарова и Е.Н. Гончаровой // Вестник Европы. 1908. №11. С. 13–48; перепечатаны: [3, с. 89–110].

⁴ Николай Николаевич Трегубов (ум. 1849), отставной моряк, снимавший флигель в усадьбе родителей Гончарова, его крестный отец и фактический воспитатель; под именем Якубова выведен в очерке «На родине» (1888).

⁵ Цит. по: *Суперанский М.Ф.* Ив. Ал. Гончаров и новые материалы для его биографии. I // Вестник Европы. 1908. №11. С. 20–21.

на воспитание 2<->х девочек, которых любили и воспитывали, как родных дочерей⁶. Устроились в Москве они хорошо, первое время жили в доме, кажется, Писемского, с которым они очень подружились. <...>

Кажется, в 1870 году, «верный человек» Алаев, которому Музалевские доверили все свои деньги, что-то около 100 т<ысяч> руб<лей> или немного более, заручившись еще кое-какими клиентами вроде Музалевских, бежал в Америку, или Австралию. Музалевские переехали на маленькую квартиру, продали лошадей, лишнюю мебель и стали жить его маленькой пенсией и кое-какой грошевой практикой [5, с. 153–154].

Имя упомянутого мемуаристом Алаева встречается в двух письмах его дяди к сестре Анне Александровне. Впервые оно возникает в до сих пор не опубликованном письме от 25 сентября 1865 г. В нем Гончаров отвечает на вопрос, можно ли навести справки в банке о том, вложены ли туда деньги, переданные ею и ее мужем Алаеву; по характеру ответа уже видно, что Музалевские, вероятно, засомневались в честности своего делового партнера и хотели бы вернуть деньги назад⁷. Второй раз Алаев упоминается в опубликованном Ю.М. Алексеевой письме от 26 июня 1877 г., которое написано уже после окончательного разорения Музалевских и смерти Петра Авксеньевича:

Религия говорит, что мы все терпим за свои грехи или ошибки: это совершенно справедливо: но если ты и Петр Авкс<ентьевич> и были наказаны так больно, так уж, конечно, за что-нибудь важное, *нежели* за то, что Вы доверили слепо все Ваше состояние в одне руки *злодея*, как ты трагически называешь Алаева! <...>

Может быть, и Ваш *злодей*, когда брал деньги, то надеялся разбогатеть и возратить. А когда пустился в рискованные обстоятельства, и ему не повезло, он поспешил сам на берег, а других утопил! На то он и *злодей*!

Честный человек сам разорился бы, но отдал бы чужое: такие редки, а Алаевы встречаются на каждом шагу: т. е.: при хороших обстоятельствах — честные, а при дурных — нет. Есть бесчестные и при тех, и при других обстоятельствах, но я Алаева не знаю — и Бог с ним! [1, с. 219].

⁶ Сведений о второй приемной дочери Музалевских не имеется.

⁷ См.: РГАЛИ. Ф. 135. Ед. хр. 25. Л. 10–11 об.

Кто такой был этот Алаев и как именно он обманул семью сестры Гончарова, публикаторы ранее не сообщали. Даже имя его никто не знал, и в научной литературе он фигурирует лишь как «некий Алаев» [5, с. 146] или «знакомый А.А. Музалевской»⁸. Пришла пора познакомиться с этим человеком поближе.

Фамилия Алаевых была известна в Симбирске: здесь жили четыре брата — Семен, Василий, Михаил и Сергей Васильевичи⁹. Три младших брата закончили Казанский университет и вернулись в родной город. Василий служил в Симбирской гимназии учителем русского законовещения, Сергей — учителем русского языка в Симбирском уездном училище. Они были учениками старшего брата автора «Обломова» Николая Александровича, который преподавал в гимназии русский язык [6, с. 65, 66], а потом стали его коллегами. С ним был знаком и Михаил Алаев, служивший в Симбирском губернском правлении¹⁰ и неоднократно выступавший со статьями на страницах неофициальной части «Симбирских губернских ведомостей», которые редактировал Н.А. Гончаров. Михаил и Сергей, несомненно, были знакомы и с Музалевскими, поскольку жили по соседству с ними [1, с. 234; 6, с. 242–243]. Но нас в первую очередь будет интересовать старший Алаев — Семен¹¹.

Судя по сохранившимся документам, он был одним из тех финансовых авантюристов, которых в изобилии породили «святые шестидесятые». Почувствовав в себе коммерческую жилку, бывшие чиновники покидали службу и организовывали торговые предприятия, брали откупа и концессии, основывали банки и ссудные кассы. Нет сомнения, что Семен Алаев принадлежал именно к этой породе людей.

Его биография полна темных мест. Известно, что в 1830 г. Алаев закончил симбирскую гимназию [6, с. 238] и с 1851 по 1853 г. служил правителем канцелярии гражданского губернатора в чине титулярно-

⁸ [4, с. 717]; указатель имен, сост. М.И. Трепалина.

⁹ Сведения про них почерпнуты из: [6, с. 235–244].

¹⁰ См.: Памятная книжка Симбирской губернии на 1860 год. Симбирск, 1860. С. 50.

¹¹ О том, что именно он упомянут в переписке Гончарова с сестрой, предположил ульяновский краевед Жорес Трофимов («Не исключено, что этот новый русский буржуа через какое-то время соблазнит и старого симбирского знакомого доктора Музалевского на покупку высокодоходных акций каких-то столичных компаний» [6, с. 244]), однако при отсутствии документальных тому свидетельств он проявил мудрую осторожность и не стал утверждать это наверняка.

го советника¹². Где он служил до этого, каким образом получил чин и попал на такую высокую должность — неизвестно: ни до 1851 г., ни после 1853 г. его имя в «Адрес-календарях» не встречается. Известно только, что в 1865 г. он уже был «надворным советником и кавалером»¹³. На какой службе он продвинулся еще на два чина и какие получил ордена, пока остается загадкой. В «Памятных книжках Симбирской губернии» начала 1860-х гг. С.В. Алаев также не упоминается; возможно, к этому времени он уже покинул службу, став известным в Симбирске откупщиком, владельцем винного и пивоваренного заводов [1, с. 234; 6, с. 238]. Не удалось также установить его возраст: в справочнике московского купечества на 1869 год указано, что ему 40 лет¹⁴, в том же справочнике следующего года — 47 лет¹⁵, а еще через год — 45 лет¹⁶. Наиболее правдивой кажется версия 1870 года, но и тогда получается, что Алаев закончил гимназию в 13 лет.

Так или иначе, в 1865 г. он переезжает в Москву, где записывается в купцы первой гильдии. В это же время за ним последовали Музалевские, которые какое-то время жили в его доме¹⁷. Уже одно это говорит о том, что семьи Алаевых и Музалевских были очень близки, и то, что Музалевский выделил Алаеву деньги для вложения в какое-то дело, не кажется безоглядной авантюрой. Кроме того, Музалевский и ранее давал деньги в долг. Примерно в те же годы он ссужает по закладной то одному, то другому своему знакомому: коллежскому советнику Ф.П. Колчину — 10 000 рублей

¹² См.: Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве, 1851. СПб., [б. г.]. Ч. 2. С. 141; То же, 1853. Ч. 2. С. 145.

¹³ См.: Справочная книга о лицах, получивших на 1869 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., 1869. С. 8.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Справочная книга о лицах, получивших на 1870 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., 1870. С. 7.

¹⁶ Справочная книга о лицах, получивших на 1871 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., 1871. С. 7.

¹⁷ Как установлено Ю.М. Алексеевой, адрес Музалевских в Москве в 1865 г. был «Пречистенская часть, 3 кв-л, на Смоленском бульваре, в доме Алаева» [1, с. 224]. Адрес жительства С.А. Алаева в 1871 г.: «Пречист<енской> ч<асти> 3 кв<артал>, в Мертвом пер., в соб<ственном> д<оме>» (см.: Справочная книга о лицах, получивших на 1871 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., 1871. С. 7; тот же справочник за предыдущий год фиксирует наличие дома и у его жены, также в Пречистенской части). Документальных свидетельств того, что Музалевские жили у Писемского (как сообщает А.Н. Гончаров), не нашлось, хотя с ним они были знакомы: 2 февраля 1874 г. Гончаров сообщил Музалевской, что «Писемский в прошлом году был здесь, сказывал, что встретил где-то Петра Авксент<ьевича> бодрым и здоровым, и очень меня обрадовал» (РГАЛИ. Ф. 488. Оп. 1. Ед. хр. 41).

(которые, заметим в скобках, тот ему вернуть не смог и отдал долг землей) [1, с. 224], а титулярному советнику П.П. Мещеринову «3 000 рублей серебром за указанные проценты» [6, с. 243–244].

В столице Алаев не стал менять свою специализацию: из упомянутого выше московского купеческого справочника 1869 года можно узнать, что он торговал спиртом, склад которого находился на казенном винном дворе в Якиманской части¹⁸, в следующем году его склад переехал в Пятницкую часть¹⁹, а еще через год купец уже значился владельцем винных заводов в Клину и Пензе²⁰. В аналогичном справочнике на 1872 год имя Алаева уже не упоминается — ниже мы увидим, почему.

Сохранилось мемуарное свидетельство о его участии в учреждении московского Коммерческого ссудного банка. Этот банк был основан в 1870 г. и поначалу считался одним из самых надежных кредитных учреждений. Однако авантюрная финансовая политика правления привела к тому, что осенью 1875 г. он обанкротился, вызвав кризис банковской системы всей страны. Основной причиной краха стала выдача необеспеченных кредитов «железнодорожному королю» Бетелю Генри Струсбергу²¹. Отсюда, по всей видимости, и происходит информация А.Н. Гончарова, что Алаев получил от Музалевских деньги «на железнодорожное предприятие», хотя сам он к моменту банкротства уже отношения к банку не имел, поскольку ранее продал свое учредительное право — причем одновременно двум разным людям²².

Не менее впечатляющими были действия Алаева и при учреждении Коммерческого ссудного банка. Вот как про это вспоминает историк московского купечества Н.А. Найденов:

---

¹⁸ Справочная книга о лицах, получивших на 1869 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., 1869. С. 8.

¹⁹ Справочная книга о лицах, получивших на 1870 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., 1870. С. 7.

²⁰ Справочная книга о лицах, получивших на 1871 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., 1871. С. 7.

²¹ См. подробнее: *Жирнов Е.* Банкротство с царским размахом // *Коммерсантъ Деньги*. 2010. № 29. 26 июля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1473539> (дата обращения 07.10.2020).

²² *Носенко Д.* Сборник решений 4 департамента общих собраний Правительствующего сената по делам коммерческих судов империи с 1872 по 1 июля 1877 г. СПб., 1878. Т. 2. Вып. 1: Судопроизводство в коммерческих судах. С. 526–527; далее информация о финансовых махинациях Алаева приводится по этому источнику (с. 257–259, 523–528).

...в Москве собралась дворянская компания, задумавшая также учредить банк; половина ее принадлежала к числу лиц состоятельных или занимавших известное положение, а другая — к заурядному чиновничеству; но так как эти лица хорошо понимали, что в глазах публики они значения иметь не могут, да и министерство к затее их едва ли отнесется сочувственно, а затем и в среде торгового люда были не попавшие в число участников в открывшиеся уже банки, имевшие между тем на то желание, то в число учредителей были сверх того приглашены 15 лиц из торгового мира; исходатайствование разрешения принял на себя некий Алаев, состоявший в числе учредителей; его я не знал и деятельность его мне неизвестна; помню, что он взял с учредителей около 30 тыс. руб. под предлогом, что эта сумма необходима для уплаты за проведение устава, и когда это было сообщено министру, то Алаев был вызван для объяснения, кому были заплачены эти деньги; он должен был сознаться, что он-де взял их себе за труды; вот какие экземпляры являлись учредителями того банка...²³

Трудно сказать, насколько Алаев обладал коммерческим чутьем и способностью вести дела. Однако одно можно утверждать точно: в какой-то момент жулик в нем победил предпринимателя, и он стал занимать деньги в поражающих воображение масштабах. В 1867 г. его долги оценивались в сумму около 4 000 рублей, в 1869 г. — до 5600 рублей, но уже через год он был должен свои кредиторам 142 158 рублей, в 1870 г. — 317 959 рублей, а в 1871 г. эта сумма дошла до миллиона²⁴. При этом он не вел торговых книг и после своего банкротства в 1871 г. не представил «никаких обстоятельных объяснений о причинах упадка дел его». Впрочем, многое можно было бы объяснить тем, что «сын Алаева одновременно с открытием несостоятельности отца приобрел два недвижимых имения», однако в суде кредиторы не смогли предъявить этому доказательств. 13 октября 1871 г. Семен Алаев был объявлен «несостоятельным должником по укрывательству» и заключен под стражу. Любопытно, что мнения его кредиторов о характере наказания разделились: одни ратовали за содержание его под стражей и даже внесли кормовые деньги, другие ходатайствовали «об оставлении его на свободе». Не будем вникать во все юридические тонкости (это нас уведет слишком далеко от основной темы), скажем только, что предметом споров и судебных

²³ *Найденов Н. А.* Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. М., 1905. Вып. 2. С. 117.

²⁴ *Носенко Д.* Сборник решений 4 департамента... С. 526.

разбирательств явилось то, каким банкротом его признать: «злостным» (за это, в частности, ратовал и П.А. Музалевский) или «по неосторожности» — в зависимости от этого определялся характер наказания. Спустя восемь месяцев Алаев вышел на свободу, но через короткое время снова попал за решетку, где отсидел с июня 1874 г. по январь 1875 г. и был окончательно отпущен по решению суда, который также утвердил его мировую сделку с кредиторами: сын Алаева предложил выплатить 588 943 р. 88 к. из долгов отца, хотя общая сумма всех признанных исков составила 1 405 282 р. Из материалов дела видно, что кроме денег, переданных Алаеву в 1865 г. или ранее, 1 июля 1870 г. Музалевский предоставил ему банковские билеты на сумму 55 920 р.

Вряд ли после своего освобождения Алаев, как сообщал А.Н. Гончаров, «бежал в Америку или Австралию». Косвенным свидетельством тому можно считать письмо А.А. Музалевской к Е.А. Гончаровой от 6 июня 1894(?) г., где она говорит об Алаеве как уже умершем [1, с. 234]: можно не сомневаться, что ни из Америки, ни тем более из Австралии подобная весть до нее бы не дошла.

Также можно не сомневаться, что Музалевские не были им полностью разорены. Наличие мирового соглашения говорит о том, что сколько-то копеек с каждого данного ему рубля они получили. В упомянутом выше письме Музалевская сообщает, что ей «внуки и внучки в глаза глядят, любят не из интереса, ведь знают, *что у бабушки немного капитала...*» [1, с. 235]²⁵. Конечно, сохранившиеся деньги были во что-то вложены, но и после смерти мужа Анна Александровна не жила в нищете, хотя и осталась «без всяких средств к существованию» и была «не в состоянии себе что-нибудь зарабатывать для пропитания»²⁶. Узнав о смерти брата, она 1 ноября 1891 г. спрашивала А.Н. Гончарова, нельзя ли получить хоть небольшую часть наследства, при этом сообщая о себе:

...взойдя в мою квартиру только по обстановке в ней можно судить, что тут живет старуха из числа очень недостаточных, а квартира недурна, благодаря тому, что два сына Левенштейна живут со мной, и они мне нанимают квартиру. Конечно я любезный Александр Николаевич, руку не протягиваю щеп по улицам, где строятся дома не собираю, стараюсь скрыть свои недостатки, но надеяться мне

²⁵ А.Н. Гончаров писал про тетушку, что «от прежнего состояния у нее осталось что-то вроде 2 <тысяч> руб<лей>...» [5, с. 148].

²⁶ Формулировки из ее письма в Литературный фонд от 7 января 1892 г. с просьбой о вспомоществовании [5, с. 159].

ненакого, Левенштейн незнаю долго ли продержится, столько конкуренции в Москве настроили казенных больниц психиатрических, да ктому же и болен старик, не может выезжать, а дети еще молоды. <...> Теперь я живу с внуками, мне платят за стол их, им очень далеко и неудобно за заставой жить, студент занимается в клиниках, это недалеко от меня, а другой кончает гимназию [5, с. 147].

Как известно, Гончаров ничего не оставил своим родственникам, завещав основной капитал вдове своего бывшего слуги и ее детям и небольшую часть — сестрам Никитенко. Но в письме к душеприказчикам М.Н. Любощинскому и М.М. Стасюлевичу от 22 мая 1883 г., приложенном к завещанию, он вспомнил о родственниках, мотивировав отказ оставлять им даже небольшую часть накопленного им так:

Я не упоминаю о <...> детях моей старшей сестры, также о младшей моей сестре, бездетной вдове; все они находятся, сколько я слышал, в незавидном материальном положении; но чтобы облегчить всем им тягость жизни — понадобились бы не такие средства, какие останутся после меня, если только они останутся, в чем можно сомневаться, судя по ограниченности их [2, с. 481].

Завершим наш рассказ следующими словами А.Н. Гончарова:

Нужно быть слишком жестким, бессердечным человеком, чтобы не помочь сестре, которая в продолжении 20<->ти лет, на глазах довольно обеспеченного брата, живет почти в нищете и, говоря откровенно, часто не обедает. Гончаров только по временам справлялся, как-то брюзгливо, как будто говорил о чем-то неприличном: «а что сестра Анна Александровна все живет в Москве, кажется, у какой-то поповны?» [5, с. 156].

Хотя, как говорилось выше, достоверность воспоминаний племянника автора «Обломова» и ставится под сомнение, а все выпады в сторону дяди объясняются личной неприязнью, но здесь, думается, он не слишком далеко отходит от истины.

Список литературы

1. *Алексеева Ю.М.* Три письма И.А. Гончарова к сестрам // И.А. Гончаров: Материалы международной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения И.А. Гончарова. Ульяновск: Стрежень, 1994. С. 213–237.
2. *Гончаров И.А.* Собр. соч. М.: Правда, 1952. Т. 8. 542 с. (Б-ка «Огонек»).
3. И.А. Гончаров в воспоминаниях современников / сост. О.А. Демиховская, Е.К. Демиховская; изд. 2-е, расшир. и доп. Ульяновск: Регион-Инвест, 2012. 416 с.
4. Литературное наследство. М.: Наука, 2000. Т. 102: И.А. Гончаров. 735 с.
5. Материалы к биографии И.А. Гончарова / вступ. статья, подгот. текста и коммент. А.В. Романовой // Русская литература. 2008. № 3. С. 140–163.
6. *Трофимов Ж.А.* Наш Гончаров: Поиски. Находки. Исследования. Ульяновск: Ульяновский дом печати, 2007. 399 с.

Статья поступила в редакцию: 28.05.2020

Одобрена после рецензирования: 17.08.2020

Дата публикации: 25.12.2020

Research Article

“Villain Alayev” (From Comments to I.A. Goncharov’s Correspondence)

© 2020, Alexei Yu. Balakin

Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Abstract: The article examines I.A. Goncharov’s letters to his sister Anna Alexandrovna (married name Muzalevskaya) and investigates the episode of her family’s bankruptcy as a result of the Muzalevskys’ transferring most of their money to their fellow countryman, “a certain Alayev,” who turned out to be a swindler. Previously, this person was known only by his last name, and the bankruptcy episode was not covered. The author draws on Address-calendars, Commemorative Books of the Simbirsk Governorate and other reference publications, archival documents, on the basis of which he reconstructs the biography of Semyon Alayev and details the history of his fraudulent actions. The facts introduced into scientific circulation will undoubtedly be in demand by commentators of both Goncharov’s correspondence and memoirs about him.

Keywords: I.A. Goncharov; the writer’s correspondence; academic commentary; family property relations; biographies of Russian writers of the 19th century.

Information about the author: Alexei Yu. Balakin, PhD in Philology, Senior Researcher, Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of Russian Academy of Sciences, Makarova emb. 4, 199034 St. Petersburg, Russia. E-mail: balakin@inbox.ru.

For citation: Balakin, A.Yu. “‘Villain Alayev’ (From Comments to I.A. Goncharov’s Correspondence).” *Literaturnyi fakt*, no. 4 (18), 2020, pp. 300–311. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-300-311>

References

1. Alekseeva, Iu.M. “Tri pis'ma I.A. Goncharova k sestram.” [“Three Letters of I.A. Goncharov to His Sisters.”]. *I.A. Goncharov: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi 180-letiiu so dnia rozhdeniia I.A. Goncharova* [I.A. Goncharov: Materials of the International Conference Dedicated to the 180th anniversary of I.A. Goncharov]. Ul'ianovsk, Strezhen' Publ., 1994, pp. 213–237. (In Russ.)
2. Goncharov, I.A. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], vol. 8. Moscow, Pravda Publ., 1952. 542 p. (In Russ.)
3. *I.A. Goncharov v vospominaniakh sovremennikov* [I.A. Goncharov in Memoirs of His Contemporaries], comp. O.A. Demikhovskaya, E.K. Demikhovskaya; 2nd ed., rev. and edd. Ul'ianovsk, Region-Invest Publ., 2012. 416 p. (In Russ.)
4. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 102: I.A. Goncharov. Moscow, Nauka Publ., 2000. 735 p. (In Russ.)
5. “Materialy k biografii I.A. Goncharova.” [“Materials for the Biography of I.A. Goncharov.”], introd., text prep. and comm. by A.V. Romanova. *Russkaia literatura*, no. 3, 2008, pp. 140–163. (In Russ.)
6. Trofimov, Zh.A. *Nash Goncharov: Poiski. Nakhodki. Issledovaniia* [Our Goncharov: Research. Discoveries. Studies]. Ul'ianovsk, Ul'ianovskii dom pečhati Publ., 2007. 399 p. (In Russ.)

The article was submitted: 28.05.2020

Approved after reviewing: 17.08.2020

Date of publication: 25.12.2020